

ИДЕАЛЬНЫЙ
МИР
ДЛЯ
КУЗНЕЦА
ТОМ 2

**Натан Раух
Олег Сапфир
Идеальный мир
для кузнеца. Том 2
Серия «Идеальный мир
для кузнеца», книга 2**

<https://litres.ru/74198152>

SelfPub; 2026

Аннотация

Днём я — учитель истории. А по ночам — кузнец. И всё было прекрасно... Ровно до той самой пули на раскопках.

Очнулся в другом мире, в замке, полном гоблинов. А там ещё и призрак: назначил меня Хранителем и растворился. Ни еды, ни оружия, ни намёка, что делать дальше. Зато при мне — ум, руки и одна очень занятная способность...

Что ж. Настало время истории. Моей истории...

Держитесь, зелёные. Кажется, это идеальный мир для кузнеца!

Содержание

Глава 1	4
Интерлюдия	23
Глава 2	31

Натан Раух, Олег Сапфир

Идеальный мир для кузнеца. Том 2

Глава 1

Проснулся я словно от толчка. Глаза еще не открыл, а по коже уже пробежал холодок от чужого присутствия.

Какого лешего я вообще уснул?

Ведь говорил же себе: спать нельзя.

Вчерашний день вымотал меня знатно. Беготня по замку, гоблины, эти их мерзкие гиены — а на закуску эпичная битва с двумя ножевыми в спину, которые к слову, пришлось прижечь. И боль никуда не делась: раны ныли, жгли, шевелиться не давали.

Денек, короче, удался.

А теперь еще и чужой взгляд — я ловил его всей кожей.

Открыл глаза, медленно повернул голову. В паре шагов стоял Дед.

— Ну что, друг мой. Вот ты и нашел себе напарника. — У Деда блеснули глаза. — Не скажу, что одобряю. Но ты выбрал сам, а это дорогого стоит.

— Срок подошел? — Я вздохнул и снова прикрыл глаза.

— Да, время вышло. Дали бы больше, но мастер Виверин не дотянет — силы на исходе. — Он помолчал. — Энергии ты собрал недостаточно. Ты не справился...

Я аж дернулся:

— В смысле не справился? Да я этих ублюдков столько накрошил — на трех мастеров хватило бы!

Дед чуть склонил голову и слегка улыбнулся в бороду:

— Я не говорил, что мало. Я сказал — недостаточно. Однако я назначил количество с запасом. Впрочем, врагов ты положил много, жизни их забрал, старался — твоя заслуга. Для пришлого очень даже неплохо преуспел.

— Спасибо на добром слове, — хмыкнул я. — Преуспел бы и побольше, будь у меня тут автомат да ящик патронов. Тогда бы я этих тварей столько покрошил, что вам и не снилось.

— А через день-другой лег бы под грудой трупов. Оружие ваше слишком шумное. Тут оно тебе не помощник, а помеха, — усмехнулся Дед.

А ведь прав, зараза. В каменной коробке я бы грохоту наделал столько, что сбежалась бы вся местная зелень. А от толпы никакой гранатомет не спасет.

— Твоя правда. Не для здешних мест мое железо.

— Тем более ты не терпишь несправедливости. Со своим плюющим ружьем кинулся бы вызволять пленников — и закончил бы дни под телами мелких гоблинов.

И снова он меня обошел. Палить тут из автомата — все

равно что сунуться в сарай с сеном, размахивая факелом.

Хотя пистолетик какой-нибудь, тот же макаров, я бы припрятал на черный день.

Занятый мыслями об оружии, я повернулся и увидел спящую на диванчике эльфийку.

Как вообще я до такого дошел? Зачем бросился ее спасать? Наверное, иначе не мог. Или разглядел союзника, каких поискать.

Вопросов — десяток, ответов — ноль. Следил я за девочкой давно, но не лез. Людей она не трогала: бегала мимо, в драку не лезла. Хотя могла бы и завалить и разжиться вещами поценнее.

Она всегда справлялась. А в тот раз гоблины обложили ее со всех сторон, а с ними эти селекционные ублюдки — не то собаки, не то гиены. Я мог помочь — вот и помог.

Самое интересное, она понимает меня. А я-то думал, жёстами придется объясняться.

Да и остальное в целом получилось как в кино.

Знал ли я, что клинки не достанут до сердца и я выживу? Давал максимальную вероятность. Учитывал длину клинков и вспоминал слова тренера. Он часто приговаривал: «С такой мускулатурой и щит не нужен, можно спиной клинки ловить».

Так и вышло.

Клинки, кстати, хоть и хорошие, но явно грязные. Эти утоптыши зеленые не знают, что такое следить за оружием. В

раны, видимо, еще и зараза попала, зудят страшно, при каждом движении ощущение, будто ножовкой спину пилят.

Прокручиваю в мыслях вчерашний бой.

Мое эффектное появление из тайного хода, клинки из спины эльфийке в руки, битва. Видимо, этот хамелеоновский хмырь успел как-то подкрепление позвать, потому что столько зеленых одновременно я еще не видел...

Я успел повернуться к эльфийке, хотел знакомство продолжить, разузнать между делом что тут и к чему, а она возьми и рухни. Как бревном сшибли.

И четверо зеленых над ней. Ну все, думаю, отвоевалась. Этим я, конечно, после жопу напололам порвал — да ее-то не вернешь. И как угораздило поверить в нее так, что без прикрытия бросил?

Сунулся поднимать — а пульс есть. Осмотрел наскоро: серьезных ран нет. Просто вырубил, разом, под ноль.

Переутомление. Знакомая штука.

Закинул девчонку на плечо, потащил к себе. Так и не дернулась ни разу. Уложил на диван, думал дожидаться, пока очнется, да и отрубился сам. Вымотался вконец, раны саднили. Обеззаразить нечем, вот и пришло в голову прижечь. Намучился — не передать.

Дед мысли мои подслушал, видимо:

— Каленым железом рану прижигать — затея так себе. Магией куда лучше.

— Да знаю я, — буркнул я вполголоса. — Знать бы еще,

как ею, магией этой, лечат.

— Зато выдержка у тебя отменная. Ты мог бы стать отличным мечником, постигнув все тонкости воинского искусства. Вижу, учиться ты умеешь. И учить.

— Может, хватит уже в моих мыслях копаться?

— А какие еще у призрака развлечения? Только что в голове у тебя порыться. — Дед посерьезнел. — Сейчас передашь накопленную энергию. Как условились.

— Это понял. Скажешь, когда тормозить?

— Скажу, друг мой. Не сомневайся.

Приложив руку к груди, я сконцентрировался и, протянув руку в сторону призрака, начал передавать энергию.

Сила вливалась в Деда, как в бездонную бочку. Перед глазами заплясали мушки. А рядом возник второй призрак — Виверина.

Ага, сейчас он-то меня и остановит.

Как бы не так.

Дед все тянул и тянул, а мне делалось паршивей с каждой секундой: накатила слабость, руки затряслись.

И только я решил, что вот-вот вырублюсь, Дед меня остановил.

— Фух, ну, свою часть договора я выполнил, — выдохнул я.

— Выполнил. Не сполна, но нужное отдал. Сил у Виверины только на переход, я буду говорить за него.

Да хоть за весь императорский двор говори... Лишь бы

по делу.

От истощения мутило, раны на спине жгло так, что в глазах темнело. Я с огромным трудом держался на ногах, прикидывая, куда падать.

— Мастер долго думал, чем тебя одарить. Навык владения булавой сейчас тебе без надобности, а доживешь ли ты до часа, когда пригодится, — большой вопрос. Посему он приготовил тебе кое-что особенное. Любой знатный род отдал бы половину владений, а то и больше, лишь бы заполучить подобное.

«Какая честь», — ухмыльнулся я про себя.

— А четыреста лет назад мастер не отдал бы это ни за какие деньги. Тогда он был жив, и в венах его текла кровь. Дар служил ему верой и правдой. — Дед качнул головой. — Виверин был честным воином. Но там, где булава крушит черепа и ломает кости, рано или поздно сломаются и твои.

Дед протянул руку.

На ладони закрутились два маленьких смерча — навстречу друг другу. Доросши до размеров яблока, они сорвались и полетели ко мне, разбухая на лету. Ударили в грудь — и меня накрыло свежим ветром. Я провел рукой по голове — волосы вздыбило, и они так и остались торчать, когда все стихло.

— И что это за дар? — Любопытно: больше-то я ничего не почувствовал. — Хоть намекни.

— Поймешь позже.

Дед с Виверином собрались уходить. И замерли. Мастер долго глядел на Деда, потом тот вздохнул и повернулся ко мне:

— Что ж. Воля мастера — закон. Расскажу тебе о даре. Брови мои поползли вверх.

Дед продолжил:

— Дар не связан с булавой, и вообще оружие ни при чем. И это не магия в привычном тебе смысле. Это часть тебя. Часть твоей крови. — Он глянул на эльфийку: та дернулась во сне, поджала ноги. — Перейдет потом к детям твоим. И к их детям.

— Нормальный такой подарочек, — хмыкнул я.

— Тело твое станет перестраиваться. Сначала ты будешь слаб, но после окрепнешь. А распорядишься с умом — усилишь дар. Или загубишь. Тут уж зависит от тебя.

Я хотел было спросить, но Дед поднял ладонь — молчи, мол.

— Бывало, от него отказывались. Чтоб не вводил в соблазн. У него есть особенность. Цена. Сын Виверина отрекся, посвятив себя божеству, что не терпит ни войн, ни крови. — Дед помолчал. — Это дар исцеления. Регенерация — так тебе понятнее.

— Опа! — Меня аж подбросило. — Это что, я теперь любую рану на себе залатаю?

Дух захватило от того, что замаячило впереди.

— Не торопись. — Дед усмехнулся. — Отрубленную ру-

ку не отрастишь. И ногу. И даже палец — по крайней мере, сейчас. На такое нужны тысячи лет. Но заживать на тебе будет быстрее прежнего. Куда быстрее.

— И как этот дар усиливать?

— Одним способом. Чужой смертью. Чем больше убьешь — тем скорее затянутся раны. — Дед качнул головой. — А пока отдыхай.

— Ага, отдохнешь тут, — буркнул я. — То призраки парой в гости ходят, то за эльфийкой следи вполглаза, как бы клинок куда не надо не сунула. В сердце, например.

— Не переживай. — Дед глянул на меня с прищуром. — Она устала сильнее, чем ты думаешь. Очнется не скоро.

Сказал — и исчез вместе с мастером.

До дрожи не люблю эту его манеру: то возник, то пропал. А ведь счастье-то какое привалило. Теперь меня прикончить с наскока не выйдет. Главное — было бы кого убивать. «Больше точно не усну», — подумал я и провалился в сон. Приснилась битва.

Трупы навалены плотным ковром, и в самом центре, будто очерченный каймой мертвецов, лежит человек. Ноги раскинуты, левая вывернута неестественно, из правой голени, белея, торчит кость. Руки заломлены за спину, как перебитые крылья.

Другая картинка.

Тот самый человек, Виверин, уже в лекарской палатке, веки подрагивают на бледном изможденном лице. Но перелом-

мы срастаются, кость в ногу ушла, и выглядит он много лучше.

Лекари перешептываются:

— Да, с таким даром ему несказанно повезло.

— Который раз он у нас в палатке?

— Четвертый, И через пару дней снова сбежит — в бой. Другой бы давно умер с такими ранами, а он переносит их как обычную лихорадку.

— Всем бы подданным императора такой дар. Нам бы и работы поубавилось.

В это время вошел главный лекарь:

— Знали бы вы сколько черепов нужно раскроить и сколько жизней забрать, чтобы так дар восстановления развить. Нечего болтать впустую. За работу.

Меня подняло над этими людьми, закружило и выбросило из сна.

Я резко открыл глаза. Повернул голову вправо. Посмотрел на эльфийку.

Она в той же позе спала на диване.

Было зябко, холод пробирал, вызывая мурашки.

Да так и замерзнуть недолго. Надо бы дров подкинуть.

Нехотя поднялся. Спину жгло, и раны саднили. Поморщившись, направился к кладовке. Когда открыл ее, придиричиво осмотрел трупы гоблинов.

Этот толстый, а вот этот посуше, лучше разгорится. Возьму-ка его.

Я засмеялся в голос:

— Теперь даже гоблинов перебираю. Которые на дрова лучше годятся. Те, что сами постарше и трупы постарее, более сухие.

Прихватив четверых за ноги, потащил их к печке. Накидав полную топку, сел, сосредотачиваясь на ранах.

Жар пошел хороший, я согрелся.

Теперь к делу, Дед говорил, что у меня теперь есть регенерация. Но работает она, только если я убью много гоблинов. Угу.

Вроде бы сильно дырки в спине не беспокоили, конечно, но хотелось бы их вообще убрать. А это значит, нужно пойти и завалить побольше зеленых. Ну и прокачать дар, полученный от мастера Виверина.

Единственное, чего не мог понять, где головокружение и слабость, обещанные Дедом? Ну, может, и слава богу, что их не было.

Хотя я все-таки рассчитывал получить что-то боевое, что реально поможет уничтожать зеленых тварей. Но, возможно, способность к восстановлению даже лучше.

Глянул на эльфийку: та спала и не двигалась.

Ну что, пора идти на разведку, на деле опробовать дар.

Посмотрев на карту, я несколько офигел. В том месте, где я спас девчонку, гоблинов было просто море. Они сновали туда-сюда, что-то искали, метались по комнатам. И я решил взглянуть поближе, чего они там творят. Путь занял немного

времени: двигался я тайными ходами.

Добрался без приключений.

Гоблины шастали по всем комнатам.

И, хуже всего, они простукивали стены.

Неужели подлые твари догадываются, что я хожу не только по коридорам? Паршиво будет, если они обнаружат, что я могу скрытно перемещаться.

Скорее всего, они искали тайный ход, через который могла свалить эльфийка. Это и понятно: когда девка валилась с ног, гоблинов вокруг было великое множество. И уходить мне пришлось очень быстро, завалив последних, склонившихся над нею.

Понятно, что коридорами пройти мы не могли, поэтому нес я ее через тайные ходы.

А может быть, тот гoblin-хамелеон, который воткнул два кинжала мне в спину и которому я так лихо разmozжил башку, успел как-то оставить своим сообщение. Передал, где эльфийка находится, что она делает, что она вообще в ловушке. А эти дебилы теперь не понимают, куда она пропала и как могла пройти сквозь такое количество гоблинов незамеченной.

Если найдут ходы, больше беспалевно передвигаться не смогу.

Поэтому валить зеленых надо как можно быстрее. И не дать им разузнать, как же я так лихо шныряю по стенам и валяю их то тут, то там. Надо их переключить на что-то другое.

На карте один из гоблинов простукивал стену в отдаленной комнате.

Я прошел по тайному ходу и встал напротив. Дернул рычаг, и стена поехала в сторону.

Услышав шорох, тот сразу же встрепенулся, возбужденно что-то заверещал.

Но радовался он недолго: мои пальцы крепко стиснули его горло.

Гоблин ни хрена не понял.

Смотрел на меня и лупал глазами, приоткрыв рот и пуская слюни.

Я сжал ему шею сильнее.

Но сломать ее не мог, видать, малый попался крепкий. Тогда, недолго думая, просто хрястнул его о стену, а с помощью кольца перенес труп к себе.

Проход, естественно, закрыл.

Так что сбежавшиеся на шум гоблины не увидели ровным счетом ничего.

Я перешел на другую сторону и открыл второй проход.

С ходу начал запускать из рук файерболы, пытаясь подпалить зеленых уродцев, шарашившихся по комнате.

Надо сказать, неплохо получилось.

Одному я прожег в спине дыру размером с хороший арбуз.

Второму спалил рожу начисто.

В третьего запустил файербол сразу с двух рук. И от одного он успел увернуться, а вот второй угодил прямехонько

в грудь.

Гоблин взвизгнул напоследок, и, воняя жженым мясом, свалился на пол.

Не успел я транспортировать этих, как на карте увидел, что ко мне бежит еще один.

Такой крепенький, бодренький, довольно быстрый гоблин.

Ну, думаю, дай приколюсь.

Прямо напротив входа в комнату, на стене, создал иллюзию прохода в соседнее помещение. А сам спрятался за дверью, жду, аккуратно так прижался к стене, практически слившись с ней.

Тот, естественно, залетает в комнату, видит следующий проход и стартует к нему.

Довольно смешной, к слову сказать, попался: упитанный, с брюшком, а на голове кастрюля.

Ну как кастрюля, не кастрюля, конечно, а шлем, ржавый весь, помятый, побитый, а башка у него здоровенная, не знаю, как он ее и запихал в эту железяку.

Пробегают это существо с бульвара Капуцинов, не сбавляя скорости, в соседнее помещение.

А там стена.

А перед стеной иллюзия.

И он со всего маху хрясь в стену.

Его нехило так подкинуло. Отлетел он от стены метра на полтора. И как мешок с дерьмом рухнул на пол. Лежит, сле-

зы, сопли, слюни пускает. Глаза вращаются. Не понимает ни фига.

Но я решил его сильно не мучать.

Подошел.

На горло наступил.

И тем самым окончил его страдания.

Перенеся труп гоблина в кузню, подумал об эльфийке. Если она сейчас очнется, значит, по-любому захочет есть. Организм требует для восстановления.

А жрать здесь можно только одно.

Пауков.

Которых, к сожалению, в наличии нет. Ну, дело это поправимое. Поэтому, определив на карте, где находятся эти страшные мохнатые твари, я направился к ближайшему.

Минутах в десяти ходьбы от меня.

Как раз в том месте, где не особо много гоблинов.

Пробрался я туда довольно быстро.

Открываю дверь.

Паук висит напротив меня. Лапами шевелит, взгляд в меня упер, видит добычу.

«Ага, — думаю. — сейчас мы это быстренько поправим».

Выхватываю из-за пояса подставку для факела и с ходу швыряю ему в голову.

Шибануло его знатно.

Паук свалился на пол. Развел передние лапы, зашипел и как ломанет на меня.

Но я, не будь дураком, выхватываю кинжал, который у меня был. И повторяя движения эльфийки, разбегаюсь на паука, сходу просаживаюсь на колени и вспарываю ему брюхо.

Дрянь какая.

Слизь стекает, заливает глаза.

Вкус — будто соплей наелся.

Но дело сделано.

Паук сдох.

Быстро отрубаю ему лапы. И кольцом переносу к себе. Понимаю, что восемь лап нам с эльфийкой на один зуб.

Надо брать следующего.

Как назло, на меня надвигается несколько гоблинов. А именно в количестве двух штук. Решив не выбегать им навстречу, а завалить их втихаря, я укрылся за проходом двери. Гоблины бежали, видимо, по каким-то своим делам.

Я ждал, пока они поравняются со мной. Перехватил удобнее подставку, в другой руке зажал кинжал.

Как только первый показался в проходе, сходу вломил подставкой ему по башке.

Хрустнуло знатно.

Кровь брызнула во все стороны. Заляпала мне глаза и попала на второго гоблина, успевшего повернуть голову. Зенки его удивленно раскрылись, и тут резким ударом руки снизу я воткнул ему кинжал прямо под подбородок, пробив шею, а заодно и затылок.

Плюс два в мою дровницу.

Все по накатанной схеме — трупы отправил к себе.

Через две комнаты еще один паук.

Туда я и отправился за пропитанием.

Конечно, интереснее собирать грибы или ягоды, но в замке не росло таких изысков.

Со вторым пауком получилось проще. Аккуратно заглянув в комнату, я понял, что паук меня не видит и что-то усиленно ковыряет, уткнувшись мордой в угол.

Поэтому, недолго думая, я запустил фэйербол.

Следом за ним второй.

На первый паук отвлекся, резко повернулся, и второй врезался ему прямо в глаза. Прожег половину башки.

Паук, скребя лапами по полу, остался лежать на веки вечные.

Так, мяса вроде хватает. А вот гоблинов в моем крыле начало прибавляться.

Бежали со всех сторон. В результате, пока я добывал еще трех пауков, ну, чтобы мяса запасти, ухайдокал где-то штук тридцать.

Ох, и как только я их не побил. Пришлось и ножом помахать, и фэйерболом шарахнуть.

Один, кстати, очень прыткий попался. Когда я завалил троих, этот стал улепетывать. Думаю, если стартанет и успеет удрать, то тогда для меня все кончится плачевно.

Поэтому я побежал за ним.

Ну и прыткая тварь.

В последний момент успел подхватить с пола булыжник и кинуть в спину. Звук такой, словно камень шлепнул по чему-то влажному.

Гоблин заверещал, свалился на пол, попытался встать, споткнулся, упал.

И в этот момент я с ходу, разбежавшись, вклепил ему ботинком прямо в висок боковым ударом. Череп гоблина хрустнул, и он благополучно отошел в мир иной.

Так, зеленых завалил неплохо.

Топлива набрал.

Жратвы, ну то есть пауков, отправил уже пятерых к себе.

Можно и возвращаться.

Посмотрел на карту и увидел, что эльфийка ходит по кузнице туда-сюда. Осматривает печь.

Поэтому, когда подходил, я начал вести себя значительно шумнее, чтобы она поняла, что подхожу, и не чувствовала угрозы.

Когда открыл дверь, эльфийка юркнула на лежанку, то есть на мой импровизированный диван, и сделала вид, что спит.

Я тем временем не спеша зашел, сходил в кладовку, достал парочку гоблинов, притащил, закинул в печь.

У самого улыбка на лице.

Походил, переставил столик.

Заметил, что кинжалов нет.

— Нравится притворяться? Хорошо. Только меня не пы-

тайся убить.

Эльфийка будто ждала этого.

Вскакивает, в руках по кинжалу.

А ведь я сам оставил ей оружие.

Блин, ну... Может, зря.

Хотя, с другой стороны, а что еще делать?

Если бы что-то пошло не так, если бы в кузню пришли враги, чем бы она тогда отбивалась?

Думаю, с клинками спокойнее и приятнее.

В общем, короче...

Доверие у нее хотел вызвать таким образом.

Вскочила девчонка, лицо серьезное, брови сведены, смотрит на меня, уже готовая к сражению, вот-вот кинется.

Но только шагнула, колени подломились, и она завалилась вперед.

Первой мыслью было подхватить, удержать, но потом подумал, клинки-то у нее в руках. И фиг его знает, как она сейчас примет мою помощь. А если решит, что я нападаю...

Как-то не хотелось проверять заточку клинка еще раз. Эльфийка рухнула сначала на колени, потом ткнулась руками с зажатыми клинками в пол...

Клинки звякнули. Высекли искры.

Она попыталась подняться, руки скользили по полу, сталь звенела о камень.

Я к ней так и не подходил, пододвинул к себе лавку и сел. Думаю, чем же дело закончится.

Та снова попробовала встать. Встала. Видно, что чувствует себя очень-очень плохо.

Короче, мне этот цирк надоел:

— Долго ты собираешься продолжать? Давай уже, завязывай.

Эльфийка взглянула на меня. Глаза сверкнули, наполненные гордостью и нежеланием сдаваться.

Сказала довольно дерзко:

— Я никогда не сдамся человеку!

Я усмехнулся:

— Да без проблем, не сдавайся. Выход за твоей спиной, могу открыть. Силой держать не буду.

Ее глаза расширились.

«Ты что, реально не хочешь ее удержать?» — проснулся внутренний голос.

«Да нафиг мне это надо. Пожалуй, мне одному совсем неплохо. Совесть я и так уже успокоил. Девчонку спас. Какой смысл дальше ее удерживать? Доказывать ей что-то?»

Насильно ее держать я не собирался, тем более принудительно делать из нее напарника. Такое может хреново закончиться.

Воткнет потом в спину нож.

И все.

Считай, что отжил ты, Дениска, свои светлые дни.

— Так что, подруга, можешь гулять на все четыре стороны. Держать не стану.

Интерлюдия

Всеобъемлющее тепло. Это первое, что почувствовала Эленсия.

Ощущение сладкой неги, уюта...

О, великие духи леса, как же приятно просыпаться дома.

Нет холода, пробирающего до костей. Нет ледяных камней, от которых дрожит все тело.

Сейчас мама позовет к столу, и все будет так же, как до изгнания.

Изгнание...

Эта мысль ударила хлыстом, и тень воспоминаний отступила. Она вспомнила, где находится.

Она лежала на небольшом диване — на удивление мягком. Вокруг ковры, лавка, стол. Обстановка довольно аскетичная. Для одного.

Ее охватила паника. Комната небольшая, каменная, как и все в этом мерзком замке. Мертвый камень...

В руках нет оружия.

Хотя вот клинки, на столике у дивана.

Вскочила и быстро схватила их.

Как выйти?

Как выбраться отсюда?

Мысли роились в голове. Она прошла вперед. Увидела огромную печь или, скорее, камин в виде волчьей морды.

Прошла вдоль стен, но дверей нет.

Ловушка?

Как же она сюда попала?

Этого Эленсия не помнила вовсе. Только бой да человека, возникшего из ниоткуда. Больше — ничего. В памяти остался лишь последний удар копья и пронзенный гоблин, что стоял перед ней, харкая кровью.

Выходит, человек схватил ее и принес сюда?

Ее передернуло от мысли, что он мог с ней сделать.

Но тело говорило другое. Кроме лютого истощения и старых ран, ее не тревожило ничего. А эльфы куда тоньше людей и прочих рас чувствуют и собственное тело, и мир вокруг: чужое прикосновение, удар, боль остаются в памяти тела на много дней.

Ее тело избито, истощено, но...

Новых ран не было. И уж тем более — не приведи духи великого леса — никакого насилия. Тронь ее человек хоть пальцем, она бы это помнила телом. Не тронул.

И все же — где она?

Убедившись, что в комнате пусто, Эленсия попыталась восстановить, как сюда попала, но мысли оборвал звук шагов. Кто-то шел по коридору тяжелой поступью, не отрывая ног от пола, шаркая.

Дверь в стене отъехала.

Шаги приближались. Спohватившись, Эленсия нырнула на лежанку, смежила веки, притворилась спящей. Клинки

спрятала под себя, прикрыла телом. Сквозь опущенные ресницы она следила, как в комнату входит рослый человек.

Она делала вид, что спит. А он делал вид, что верит в это.

Он снова заговорил — на староимперском, которого в нынешнем мире не знает никто, кроме эльфов.

И это очень странно.

Человек, да еще говорящий на языке эльфов.

Он предложил ей не притворяться. И это прозвучало как команда.

Она резко вскочила, вскинула клинки — и тут ноги подкосились. Сил почти не осталось: столько дней почти без сна, на скверной пище, тело на самом пределе.

Она рухнула на пол. Попыталась упереться руками в пол, не выпуская клинков.

— Эленсия, как же жалко ты выглядишь сейчас со стороны, — могла бы сказать ее старшая сестра. — Неужели ты готова пасть на колени перед этим мужланом?

Собрав остатки сил, Эленсия поднялась.

Сжала клинки и пристально взглянула на человека.

Тот стоял без оружия.

Хотя любой человек знал, на что способны эльфы, и загодя готовился к схватке. А этот просто смотрел на нее, опустив руки.

Он так уверен в себе?

Впрочем, ведь она видела, на что он способен в бою.

И, надо признать, это ее зацепило. И то, что она в долгу

перед ним за спасение, — добавляло сомнений.

Но она все же оставалась настороже.

И не намерена была сдаваться. Так она и сказала.

Он сообщил, что не собирается ее держать.

Как это? Такое вообще бывает?

Она ведь знала, как люди обходятся с пленными эльфами. Особенно с эльфийками.

Здесь что-то не так. Этот человек не похож на тех, с кем ей приходилось сталкиваться.

Девушка так и не придумала, что делать дальше.

И тут странный камин в виде волчьей головы погас.

Человек вздохнул и проговорил:

— Ну вот, опять топливо закончилось, пора бы, наверное, и дровишек добавить.

Спокойно поднялся с бревна, на котором сидел. Прошел вдоль стены. Провел рукой на уровне плеча — и стена поползла в сторону.

Эленсия дернулась.

Чувство опасности захлестывало.

За дверью могло быть все что угодно.

Эленсия напряглась, готовая к худшему. А человек, улыбаясь, выволок из-за стены четверых мертвых гоблинов и потащил к печи. Без натуги — будто привычную работу делал.

Подтащил, стал закидывать тела внутрь. Печь словно пожирала их: трупы исчезали с невероятной быстротой.

«Скорее всего, это что-то магическое, — подумала девуш-

ка. — Какой-то заколдованный очаг для тепла в этой странной комнате».

Человек развернулся, пошел обратно. Она чуть расслабилась, но осталась в боевой стойке: правая нога отведена, корпус вперед, клинки наготове в полусогнутых руках.

А вдруг это отвлекающий маневр? И вот сейчас он выйдет оттуда с мечом?

Но нет.

Человек выволок еще трупы. Ходка за ходкой — и в печь ушло больше двадцати тел.

И тут Эленсия поняла, что этот человек не так прост.

Мысли летели, как стрелы: «Откуда-то он эти трупы взял. Значит, убил. Сам. Один. Тогда опасаться нужно мне, а не ему. Хотя на воина не похож. Без оружия, без доспехов».

И самое странное — почти все это время с его лица не сходила легкая усмешка.

В душе боролись гордость и смятение.

Наконец решила заговорить:

— Ты похитил меня?

На что он усмехнулся и ответил:

— Ты вольна распоряжаться своей жизнью как хочешь.

В этот момент в животе раздались звуки, похожие на рычание шакки. Человек усмехнулся:

— Ну раз проголодалась, значит, нужно тебя покормить.

И снова ушел в комнату.

Эленсия пришла в ужас.

Неужели он предложит ей отведать гоблина?

Нет, до этого она не опустится. Такую дрянь она бы не стала есть, даже умирая от голода. Но он вытащил из комнаты остатки шераха.

Огромные пауки. Гоблины сами разводили их. На самых крупных ездили верхом, прочих держали сторожами — на-тасканными убивать всех, кроме хозяев.

Точно, он же говорил, что угостит ее.

Вытащив шераха на середину комнаты, человек просто оторвал ему лапы.

«Как же он силен», — она глубоко задумалась.

С руки незнакомца сорвался сноп искр, и в углу занялся костер. Человек подсел к огню, принялся жарить паучьи лапы и жестом подозвал ее.

Он маг?

Что же ей делать?

Нарушить запреты, правила, законы, советы?

Все, чему ее учили?

Не нападать на него первой?

Не пытаться его убить?

Но и не доверять ему!

Он подставил свою широкую спину под два клинка, летевших прямо в нее.

Два клинка.

А сегодня он двигается так, будто этих ран и нет вовсе.

А что, если это ловушка?

Он же маг.

Что, если он обманом принес ее сюда и на самом деле невредим?

А вчерашнее видение не что иное как морок, иллюзия?

Ее заставляют поверить в то, чего не было?

Она решительно посмотрела на мужчину и твердо сказала:

— Сними одежду!

Он повернулся.

Хмыкнул под нос:

— Вообще-то я не раздеваюсь на первом свидании. Перед незнакомыми девушками.

Эленсия стиснула зубы и прошипела:

— Сними верхнюю одежду. Я хочу видеть твои раны.

— Да без проблем.

Поднялся.

Он взялся за ворот, потянул куртку вверх. Открылась широкая мускулистая спина. Не как у случайного бродяги. Пусть лицом он и не воин, тело говорило обратное.

А сверху, у самых плеч, зияли две страшные раны с запекшимися, обожженными краями. Он прижег их — уничтожил заразу самым варварским и болезненным способом.

Эленсия вспомнила рассказы отца: когда у эльфа иссякала магия и рану нечем было обработать, прижигание оставалось последним средством. Даже закаленные в боях воины едва не рыдали от этой боли.

Может, дело в особой чувствительности эльфов, может, в чем-то еще. Но она сознавала, как грубо и жестоко мужчина обошелся с собой.

И теперь в ее голове крутился только один вопрос:

— Кто ты?

Он посмотрел на нее и усмехнулся:

— Человек. Всего лишь человек. А вот кто ты? Это занимает меня куда сильнее, чем всякие царапины.

Глава 2

На три вещи можно смотреть бесконечно: как горит огонь, как течет вода и как работают другие. Из всего этого имелось в наличии только первое.

Сидел я у костра, поджаривал одну паучью лапу за другой и паялился в пламя.

Переворачивал, размышлял.

Эльфийка пристроилась сбоку и не сводила с меня глаз. Смотрела молча, изучала. Как кошка изучает незнакомую дверь, прежде чем в нее шагнуть. А я уже уяснил: эта девочка мне не враг.

Хрен знает, как это назвать. Подсознание, чуйка, интуиция — можно выбрать любые слова. Эльфийке выпало предостаточно возможностей меня прикончить. Я ведь множество раз поворачивался к ней спиной. Но не по глупости, конечно же. Через карту я контролировал каждое ее движение. Вид сверху как на ладони. Только ведь она этого не знала.

Другое дело, что среагировать в случае чего я бы, может, и не успел. Принял бы клинок плечом, увел от жизненно важного — и все. Но до этого, по счастью, не дошло.

В какой-то момент эльфийка не выдержала:

— Ну кто так делает? — Это прозвучало почти страдальчески. — Ты же все мясо сожжешь. Все волокна спалишь.

Варварство.

Я перевернул лапу. С нее капнуло в огонь, зашипело.

— Варварство не варварство, главное сытно.

— Люди... — Она покачала головой. — Почему у васечно так?

— Как так?

Отвечать она не стала. Только вздохнула, присела рядом, поближе к теплу, и с ехидной полуулыбкой, на которую способны, по-моему, только женщины и коты, почти промурлыкала:

— Могу я вмешаться в... процесс приготовления этой великолепной пищи?

— Прошу.

Я сам это дело никогда не любил. Шашлык на даче — еще куда ни шло. А паучьи лапки над костром в убежище — удовольствие, мягко говоря, на любителя.

Я что-то в этом духе ей и сказал.

Она пробурчала что-то под нос, мол, будто тут вообще выбор есть.

— Выбор есть всегда, — возразил я. — Спать вон: на диване, на полу, на коврах. Или каких пауков жрать.

— И в чем разница?

— Разница большая. — Я кивнул на огонь. — Мелких на днях двоих завалил — так у них мясо никакое. Жуешь, будто старый ремень грызешь: и не проглотить, и не выплюнуть. А вот которые покрупнее — другое дело. Мякоть мягкая.

Особенно у мохнатых. На вид гадость редкая, шерсть эта...

Меня передернуло от воспоминаний, и я продолжил:

— Зато сгорает влет, а мясо под ней — самое то.

Она глянула на меня иначе, чуть прищурясь:

— Хочешь сказать, ты и старых шерахов валишь? Вот так запросто?

— А чего там валить.

Я выбросил руку вперед. На ладони вспух огненный шар размером с небольшую дыню — и я зашвырнул его прямо в пасть печи.

За печь я не переживал. Давно проверил: ей хоть бы хны. Что туда ни кинь — подпали, разожги, жхни чем покрепче, — наружу не выйдет ничего. Давеча по дурости запустил в нее какую-то магическую дрянь, которую у гоблинов нашел: внутри так ухнуло, что я думал, штукатурка со стен посыплется. Понятное дело, не осыпалась, потому что ее тут и нет. Но главное — с печью ничего не произошло. Чудо-печь, короче. Все в себя забирает, как черная дыра.

Эльфийка проводила шар взглядом и посмотрела на меня уже совсем странно.

А потом сама взялась за лапы.

И тут я понял, что что-то не догоняю. Вроде делает все то же самое: жарит, вертит, следит. Но как-то... по системе. Смотрит-смотрит — раз, резко перевернула. Потом губами шевельнула, будто считает. Заглянула снизу. Поддержала с минуту одним боком. Снова какие-то манипуляции, на вид

— полная бессмыслица. Но выходило так, словно она что-то знает и видит, чего не вижу и не знаю я.

Заклинание читает, что ли?

Или дурью мается. А она дожарила лапу и сунула мне: на, мол, пробуй.

Я откусил.

Охренеть.

Ни одного уголька, ни горчинки. Мясо мягкое, чуть ли не тает. Я аж причмокнул.

У нее бровь поползла вверх в безмолвном вопросе: ну что, типа, лучше?

Я покивал, откусывая еще.

А сам смотрел уже не на лапу, а на ее лицо. И поймал себя на мысли, что сейчас, без этой вечной настороженности, она довольно милая. Когда не злится, не ждет удара, не просчитывает, с какой стороны ее прирежут. Просто живая, нормальная. Уставшая до предела девушка с длинными ушами, а не загнанный в угол измотанный хищный зверь.

Рассыпаться в похвалах я, понятно, не стал:

— Поздравляю. Назначаешься главным поваром.

Она фыркнула. Дескать, эльфийка поваром при человеке, дожили.

— Очень смешно. Впервые в истории эльфы удостоились такого высокого звания. — Она склонила голову набок. — А сам чем займешься, пока я готовлю?

— Как любой нормальный мужик. Добычей. Каждый день

буду таскать этих самых шерахов.

Снова этот странный взгляд. Будто не верит.

— И сколько ты их натаскаешь?

— А сколько надо? — Я прикинул. — Думаю, пять-шесть в день. Хотя хрен тебя поймешь. Сама ты небольшая, а трескаешь за троих здоровых мужиков. Парой штук тут не отделаешься.

Девушка не обиделась:

— У эльфов другой обмен веществ. Мы усваиваем пищу куда лучше людей. И конкретно мое племя всеядно, а вот те, кто жил на одной зелени, нынче на грани вымирания.

— Еще бы. На одном мясе прожить можно дольше, чем на одной траве. Настоящему мужику подавай мясо. Иначе откуда силам взяться.

«А зачем это вдруг тебе силы понадобились? — проснулся внутренний Денис. — Смотри, как перед симпатяжкой хвост-то распустил. Прямо павлин».

«Изыди, только тебя тут не хватало. Это я демонстрирую, какой я сильный, чтобы она меня втихаря не пырнула».

«Ну-ну. Или, может, чтобы получить возможность, так скажем, показать себя во всей красе. Совсем ты одичал, паря».

Я отмахнулся от назойливого внутреннего собеседника:

— У меня, кстати, есть один товарищ, который при весе в сто сорок кило...

Тут я смешался, меры-то тут, наверное, другие, как я ей

объясню, сколько это — кило.

— Короче, он ого-го какой здоровяк, но при этом вообще не ест мясо, а питается практически одной травой да зерном. У него удивительный метаболизм, с такой скоростью булки переваривает, что будь здоров, а у вас, эльфов, какой-то странный.

Интересно, а бывают жирные эльфы?

Жевали молча. Приглядывались, привыкали друг к другу — потихоньку, как два пса, которых посадили в один вольер. И тут до меня дошло, что мы битый час сидим, а как ее имя, я без понятия.

— Слушай, а тебя как вообще зовут? — Я обтер пальцы о штанину. — А то неудобно. Я Денис. Можно Дэн.

Она помедлила:

— У эльфов не принято бросаться именем перед первым встречным.

— Ну, а я не первый встречный. Я тот, кто тебя с того света вынес. — Я ухмыльнулся. — Колись, остроухая. Или мне тебя так и звать?

Эльфийка поджала губы, но выдавила с очень мрачным видом:

— Эленсия.

— Эленсия, — повторил я, примеряя слово на язык. Длинновато. — Как короче? Элен, Элли? Эл?

— Что? — Ее будто холодной водой окатили. — Меня зовут Эленсия. Полностью.

— Понял. — Я примирительно поднял ладони. И добавил: — Но не жди, что в бою я буду кричать: «Э-лен-си-я! Прикрой меня». Скорей всего, позывной у тебя будет «Эл» или «Элли».

Эльфийка фыркнула.

Какое-то время мы опять молчали, доедая лапы. Молчание нарушил я:

— Как ты тут вообще оказалась?

Она отбросила прядь с лица:

— Наверное, так же, как и ты?

А вот теперь надо думать. Что ей плести? Правду — так она либо не поверит, либо насторожится еще сильнее. Соврать... Не хотелось бы. Пусть будет правда. Но не вся. Полуправда. Меньше знает — крепче спит.

— Сильно сомневаюсь, что так же, как и я. — Я отложил обглоданную косточку. — Ты вряд ли вступила в какую-то хрень и очнулась незнамо где. За тыщи, а то и десятки тыщ километров от дома. В общем, очень далеко.

Хотя на самом деле я понятия не имел, далеко ли до дома. И меряется ли это вообще в километрах. И понимает ли она расстояние в километрах. Так что почти не соврал.

Глаза у нее стали шире.

— В смысле?

— А что непонятного?

Она нахмурилась и медленно кивнула:

— Ты... шагнул в портал... И тебя перенесло сюда?

Портал, значит? Кто-то из призраков тоже говорил про порталы. Если есть сюда — должен быть и обратный. Я полностью изучил тот зал со статуей, где очнулся после смерти. Если это можно назвать смертью. Никаких порталов не обнаружил и вообще ничего необычного там. Кроме одного... Статуя исчезла.

Вслух я только хмыкнул: может, и портал. А может, и что другое.

Бабушка, помню, вечно ворчала: «Ты, Денис, вечно куда-нибудь вступишь. То в дерьмо, то в партию».

— А тебя, выходит, в плен взяли по-другому, — закинул я. — Как там, в плену? Что вообще творится? Мне бы понять, как тут все устроено.

Она опустила глаза, повертела в пальцах обглоданную косточку:

— Да я и не знаю, что сказать. Как взяли да притащили — сразу нацепили на голову колоду. Деревянную. Чтоб ничего не видела и не понимала, где я. Прорезь одна, для рта. Еда пропихивалась с трудом. А пить приходилось через камышовую трубку. Кружку под колоду не сунешь.

— А обращались как? — Я подобрался. — Эти мелкие уроды тебя били? Резали? Издевались?

Она вскинула бровь:

— По-гоблински обращались. Ты что, никогда не сталкивался с ними?

— В моих краях их нет. Истребили, видать.

А сам подумал: может, и правда когда-то истребили? Я ж историк. Откуда мне знать наверняка, что гоблинов не существовало? Может, они с динозаврами грызлись. Или с викингами рубились, а потом все пошли под нож. В истории дыр — как в старом носке. Декан мой любил повторять: «Даже летописи правдивы лишь наполовину. Пишут их победители, а переписывают люди».

— Интересные у тебя места, — протянула она. — Гоблинов нет...

— Ага. Настолько интересные, что такой замок у нас и недели бы не простоял. Да его бы вообще не было.

Она усмехнулась:

— Да ладно!

— Что «да ладно»? — Я прищурился в ответ. — Ты ж вроде умеешь отличать правду от брехни?

Она замерла. Прищурилась — и стала как-то опаснее. Собраннее. Резче.

— Ну, допустим.

Я пальнул наугад:

— По колебаниям ауры смотришь, да?

Глаза у нее распахнулись максимально.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда. — Я уже давно заметил, как она на меня глядит, когда я говорю: то в глаза, то поверх головы, то будто ощупывает взглядом. Не мимику с лица считывает, а что-то вокруг. — Видел, как ты на меня смотришь.

Я, мысленно перебрав все фантастические книжки, что в жизни читал, хотел добавить про цвета ауры или вибрации, но решил не углубляться. Вдруг у них это не так работает и я выдам свое незнание.

Эленсия сглотнула и поморщилась:

— Неважно.

— Вот смотри: появишься у нас такой замок, ну, или пяток таких — нам хватило бы дня, чтоб их не стало. Правду говорю или нет?

Она задумалась, глядя мне поверх головы:

— Не знаю, правда ли это на деле. Но сам ты в это веришь. Точно.

А я в тот момент действительно думал о возможностях. Пара боеголовок — и от замка вроде этого остались бы одни руины. А то и труха. Как там в одном фильме говорили? «Бахнем. Обязательно бахнем. Весь мир в труху. Но потом».

— Значит, так, — я решил зайти с козырей, — раз уж мы тут разоткровенничались, как друзья, давай кое-что проясним на берегу. Я тебе не враг. Вредить не собираюсь. Даже если сейчас приковыляет какой-нибудь зеленый хрен с котелком, да хоть мешком золота и предложит тебя сдать — я откажусь. Потому что у меня принципы. И слово я держу.

Что-то в ее лице дрогнуло. Она напряглась, задумалась.

— И от тебя жду того же. А то спать вполглаза с подставкой для факела в обнимку — радость небольшая. Короче, предлагаю взаимопомощь.

Эленсия усмехнулась коротко, уголком рта. Она ничего не сказала, но я будто услышал: «Помощь. От человека. Мне, гордой дочери эльфийского народа». Усмешку эту я пропустил мимо и рубанул ладонью воздух:

— Смотри. Я в этих местах ни черта не смыслю. Жил совсем в других краях, скажем так. Хочу разобраться, куда попал, как меня сюда занесло, как тут все устроено и что делать дальше. А ты вон — на ногах едва держишься. Не знаю, истощение это или что, но тебе нужно время оклематься. Даю тебе убежище, защиту, еду, воду. Беречь буду, пока не встанешь на ноги.

Я выдержал паузу:

— В обмен на помощь. Кстати, вон кувшин — там чистая дождевая. Можешь умыться, привести себя в порядок. И да, чуть не забыл: место тут не только безопасное, но и теплое. Замерзнешь — кинь пару гоблинов в топку. Думаю, оценишь.

Эленсия задумалась и потерла переносицу:

— Мне этого мало.

— В смысле мало? — Я аж офигел. — Мне что еще, танцевать тебе?

Она резко дернулась всем телом, отступила. Рука метнулась к рукояти клинка за поясом. Эльфийка прошипела:

— Нет. Танцевать не нужно. Вот уж точно не нужно.

М-да. Странная, не то слово. С чего ее так перекосило-то?

Ладно. Танцевать не надо — и слава богу или богам, все

равно не умею.

Эленсия выдохнула, вроде ее отпустило. Глянула на меня из-под опущенных ресниц:

— Я могу отличить правду от лжи. Но способность эта не абсолютна. Есть те, кто умеет ее обойти. Обойти — и ударить в спину. Ты ведь тоже можешь забрать слова обратно и навредить мне.

Что-то начинала надоедать ее паранойя.

— Может, мне просто открыть дверь? Иди на все четыре.

Эльфийка вздохнула:

— В одном ты прав. Я так долго не протяну. Когда меня брали, я уже была без сил. И здесь... здесь и правда лучше, чем там. Лучше, чем в одиночку подыхать в этих коридорах, загоняя себя до предела. — Она вскинула взгляд. — Вопрос один: что будет, когда нас найдут гоблины?

— А вот за это не переживай, — хмыкнул я. — Не найдут. Эти мелкие даже меня отыскать не смогли, а искали конкретно. И это при том, сколько я их тут уже положил.

Она подобралась:

— Ты думаешь, все так просто? А ты сталкивался с гоблинами-чемпионами? С их королем, с ищейками, шаманами? С черными, с ядовитыми, с гоблинами-берсерками? — Названия посыпались одно за другим.

Е-мое. Я и половины этого зверинца не слышал. Какие еще берсерки? Если они похожи на тех берсерков, про которых у нас легенды рассказывают, то лучше с ними не встречаться.

— Шамана видел, — сказал я честно. — И того, кто мне в спину клинки засадил. И этих... ну, спецназ их гоблинский, по стене которые лазали.

— Это джанг. Между прочим, — она чуть усмехнулась, — мы еще даже не сговорились об обмене, а я уже тебя учу.

— Не учишь. Делишься. Учитель мне без надобности — я сам кого хочешь научу. Так что не выкобенивайся.

Эленсия поднялась, прошла по комнате из конца в конец. Двигалась медленно, явно берегла силы. Потянулась, вернулась:

— Гоблинов куда больше видов, чем тебе попадалось. То, что шастает тут, наверху, — мелочь. У них и места-то своего внизу нет. Им еще нужно доказать, что они на что-то годны. Или пройти ритуал — стать сильнее, получить стихию, развить дар. — Она поморщилась. — Хотя какой у них дар...

Она остановилась у стены, провела пальцами по холодному камню:

— Гоблина-мага от шамана ты отличишь — это не дурень, что трясет оберегами. Мага встретишь — беги. А встретишь кровавого мага и не будет при тебе особых артефактов — режь себе горло сразу. Иначе будешь завидовать мертвым.

— Сама-то мертвым завидовала? — спросил я.

Эленсия кивнула:

— Завидовала. Когда попала в плен.

Я сперва не о том подумал. Она это по лицу, видимо, поняла и уточнила:

— Для эльфа плен — позор.

— Сильный?

Вместо ответа она потянула вниз край туники, оголяя плечо.

— Воу-воу, — я прикрыл глаза ладонью, — к таким близким отношениям с полужнакомой девушкой я не готов. Человек я порядочный, так что можешь не раздеваться.

Лицо у нее даже не дрогнуло. Она просто спустила ткань с плеча.

На коже темнел знак. Дерево — раскидистое, с пушистой кроной, чем-то на нашу сосну похожее. Поверх — лук, а рядом три кольца, сплетенных вместе. Только все это будто выжгли или затерли: линии почернели, поплыли, словно кто-то нарочно испортил рисунок.

— Для рода я мертва, — сказала она тихо. Помолчала. — А тем, кого тогда не смогли взять живыми, повезло больше.

Тем, кого не смогли... Значит, ловили не ее одну. Я запомнил, но расспрашивать пока не стал.

Она тоже больше не говорила, не могла и не хотела. Плечи опустились сами, спина ссутулилась, будто на нее мешок цемента взвалили.

— Ладно. К этому вернемся позже. — Я решил свернуть тему, пока она совсем не скисла. — Какие варианты, чтоб ты мне поверила?

— Хочу, чтоб ты поклялся на крови.

— Да пожалуйста. — Я развел руками. — Только это что

выходит: я кровью клянусь, а тебе на слово верить должен?

— Нет. Клятва будет обоюдная.

— Идет. Что делать?

— Ничего. Просто дай руку.

«А если она тебе сейчас пальцы оттяпает? Или схватит, а сама — клинок в сердце? Ты не о себе, ты о нас подумай», — заскулило в голове.

«Хватит ныть. Придется рискнуть».

Я протянул руку. Девушка одним плавным движением извлекла клинок и полоснула меня по ладони.

Я еле сдержался, чтоб не отдернуть. Таким взмахом и горло вскрывают, это даже не порез, а разрез полноценный. Кровь сразу хлынула.

Вот зараза.

Потом она провела лезвием по своей руке, аккуратно, едва царапнув. Себе, значит, бороздку, а мне чуть пальцы не отчекрыжила.

— Теперь нужно рукопожатие. — Голос у нее чуть дрогнул. — Метод варварский, эльфам прибегать к нему — позор... Да какая теперь разница, после всего.

Она махнула рукой, прикрыла веки, пошевелила губами, будто вспоминая.

Затем резко распахнула глаза, глянула мне за спину и заговорила медленно и торжественно, даже голос у нее изменился:

— Призываю древних узреть скрепление крови. Да станет

кровь свидетелем и разнесет сказанное во всю суть сущего.

Глянула на меня выжидательно. Я повторил.

— Клянусь не поднимать руки на того, с кем делю кровь.

Повторил и это. Дальше она произносила фразу за фразой, а я повторял все:

— Клянусь встать между ним и смертью, если смогу. В беде не отвернуться, в бою не отступить, в ночи не оставить без огня. Враг одного да станет врагом обоих. Не выдавать врагу ни за страх, ни за посулы. Ни живым, ни мертвым. Тайну доверенную хранить, как кровь свою. Что скреплено кровью, не забвением стирается, а добрым намерением отпускается.

Я обратил внимание, что у нее затрепетали волосы, выбившиеся из косы. В пальцах у меня потеплело, в голове слегка помутилось.

— Аман-ни.

— Аман-ни.

Без понятия, что это значит, но пусть будет.

И тут в голове кристаллически прояснилось, и меня накрыло, будто по жилам пустили не кровь, а бензин и поднесли спичку. Жар прокатился от ладони до макушки, нутро стиснуло, меня бросило в пот. Наши руки расцепились сами, и полоснуло вспышкой боли.

Я стиснул зубы.

Эленсия смотрела на меня расширенными глазами. Ждала чего-то.

Жар покатился на спад. Холодный пот выступил на лбу,

но дышать снова стало можно. Я выдохнул. Она тоже.

— Слушай... А ты ведь не все мне про этот ритуал рассказала.

— Не все. — Эльфийка не стала отпираться. — Я знаю, что он работает на эльфах. А на людях — нет. Точнее, не всегда... Точней...

— Что значит «не всегда»? Люди от этой клятвы загибались? А ты меня даже не предупредила?

— Не загибались. Просто... Ритуал мог не сработать. Но, бывало, когда срабатывал, человека на пару-тройку недель сваливало в жутких муках. Чем сильнее порез — тем больше шансов пережить.

— Спасибо, обнадежила. — Я помотал головой. Выходит, я ее благодарить должен, что она меня так разделала. — Хорошо хоть я не из ваших земель, где все такие хлипкие и странные.

Пусть лучше думает, что я какой-то крутой боец, а не кузнец, который меч-то держит без году неделя и всему учится на ходу. Так оно спокойнее. Потому что натура у всех живых одна, хоть у эльфов, хоть у людей, хоть у гоблинов: чем ты сильнее, тем больше тебя уважают. Ну или делают вид, что уважают, а сами боятся.

Как, например, в племенах Южной Африки. Чем ты крупнее, чем ты выше, чем толще, тем больше к тебе уважения. Там, кстати, даже свадебный обряд проходит по такому принципу. Невеста выбирает жениха не по тому, сможет

ли он ее обеспечить, а по тому, какого размера у него пузо. Считается, что чем больше пузо, тем мужик плодовитее, богаче и ценнее. Короче, самый крутой перец.

В общем, договор мы заключили. И Эленсию прямо отпустило — это было видно. Плечи расслабились, ушла резкость движений, настороженность взгляда. Будто из туго надутого шарика стравили воздух.

Понятно, кто-то поплыл.

В каком же она была напряжении все это время? Сидела-то с виду нормально, держалась. А внутри, видимо, каждую секунду ждала подвоха: что я вот-вот кинусь, ударю в спину или, того хуже, повалю и начну стаскивать тряпье?

Ее качнуло. Повело вбок прямо с лавки на пол.

— Эй, ты чего? — Я подхватился. — Камни тут не такие теплые, как воздух. Давай хоть помогу.

Она дернулась, напряглась, куда, мол, не лезь, но сил на сопротивление уже не осталось. Я просто поднял ее на руки — какая она легкая, как охапка хвороста — и отнес на диван, аккуратно положил.

— Отдыхай, набирайся сил. Проснешься — принесу что-нибудь вкусенькое. Особые пожелания будут?

Она устало глянула на меня, но без прежней колючести. И слегка улыбнулась:

— Хочу... крысиных ножек. Каких-нибудь.

— Будут тебе крысиные ножи, — пообещал я. — Если найду.

Интерлюдия

В голове стучало, тело жутко болело, словно она только что свалилась с вершины самого высокого дерева в Лестьевилле.

Прошлый ритуал забрал всю силу, оставив только пустую оболочку.

Она провела его на последнем издыхании, на том, что оставалось после долгих блужданий и сражений в коридорах этого замка.

Неяркий свет, что пробивался сквозь веки, ужасно раздражал.

О, великие духи леса, если бы снова оказаться дома. Она бы все сейчас отдала, только чтобы вернуться. Вернуться домой.

Через боль попыталась приподняться. Нужно вставать.

Голова просто взорвалась, перед глазами плясали вспышки праздничной иллюзии, как на весеннем празднике восхваления духов.

Да, долго так она точно не протянет.

Руки не слушались. Мысли разлетались в разные стороны.

Эленсия открыла глаза и с трудом посмотрела перед собой. Все расплывалось, как в тумане. Когда зрение стало проясняться и комната перестала двоиться, она увидела перед собой печь, огонь горел, но человека не было.

Человек со странным именем Дэнес.

Неродное и незнакомое для эльфов, это имя царапало

слух.

А он все пытался назвать ее, как собаку, по кличке — Эл.
Какая невоспитанность!

И тут на нее накатило.

«Что же я натворила?»

Эта мысль, словно молния с неба, пронзила до самой глубины сознания. Руки сами собой сжались с такой силой, что пальцы побелели.

«Я же заключила клятву крови».

И с кем?

С человеком.

Что он просил взамен? Рассказать ему об этом мире? Какую правду он хотел услышать?

«Может, это лазутчик, а все вокруг лишь подмостки театра, игра для одного зрителя — для тебя, Эленсия».

В голове лихорадочно застучали молоточки.

«Так, мы поклялись защищать друг друга. Но вот насчет того, говорить правду или нет, я ничего не обещала. При чем намеренно. Клятву нарушать нельзя, боги жестоко карают клятвопреступников».

Она предала свою расу дважды, нет, уже трижды — заключила клятву с человеком...

Что теперь ее ждет?

Вдох застрял в груди на половине пути, страх ледяным обручем обхватил виски.

Хотя какая теперь разница?

Она шумно выдохнула.

Выбора у нее и правда не было. Иначе только смерть.

А она должна отомстить.

В том поклялась сама себе, пока лежала на прелой соломе в подземелье, пока отбивала от настырных крыс крохи еды, что приносил надсмотрщик, раньше, пока задыхалась в тяжелом деревянном ящике.

Отомстить за то позорное пленение. За то, что они лишили ее последнего шанса вернуться в родной дом.

Сколько она должна убить?

Эленсия не знала и сама.

Чтобы остаться довольной — тысячи, десятки тысяч трупов расстелить ковром на милостивой земле и напоить ее допьяна, смывая с себя тот позор.

И она это сделает.

Поход искупления. Их последняя возможность вернуться в род. Поход, который превратился в прощание. Когда погиб ее друг детства Даниэль, мальчишка семидесяти лет. Для эльфов это не возраст, а так, несколько песчинок в колбе часов.

Вылазка на самую опушку леса.

И гоблины, которые налетели со всех сторон. Огромный отряд.

Часть дозора успела вскочить на ноги, когда над головой уже засвистело железо и горячая кровь хлынула потоками, омывая грязные ноги нападавших. Сколько они бились?

Несколько часов?

Она помнила, как руки под тяжестью мечей тянуло к земле, как каждый удар вытягивал жизнь из измученного тела.

Почти весь отряд был перебит, но призрачная надежда вернуться все еще мерцала на краю сознания. Эльфы побеждали в бою и при раскладе один на сотню, и тут появились гоблины-чемпионы. Огромные, физически сильные, выносливые. Те, которые ударом не то что ломали, а буквально пробивали эльфов насквозь.

Все было кончено.

Как жаль...

Она еще могла бы побороться если не за победу, то хотя бы за достойную смерть, но все решил яд.

Глаза оставались сухими, а внутри плакала та часть ее души, что еще была жива.

Если бы вернуться назад и все изменить.

Что бы тогда она сделала?

Этот вопрос Эленсия задавала себе все чаще и чаще.

И тут в животе заурчало.

О великие духи леса, как же низко она пала.

Показываться человеку в таком состоянии. Ведь они эльфы, высшая раса, царственная раса, созданная править, цвести и нести мудрость всем другим.

А она, просто лежит, как людская женщина, и, человек ей помогает, и самое страшное... Без его помощи она сейчас не сможет.

Вот и все.

Что он там сказал, когда уходил?

Будет холодно — подкинь гоблинов, их там навалов.

Ну конечно, мало того, что в повара записал, так теперь еще и в служанки зачислит.

Как ни странно, злость помогла подняться.

С трудом Эленсия побрела в сторону каморки, из которой он доставал трупы. Ноги не хотели слушаться, колени подкашивались.

Опираясь о стену, она добралась до двери, и та исчезла сама по себе.

Вот это удивительно, человек достаточно силен в магии. Что еще можно от него ожидать?

Трупов там было и правда «навалом». Гоблины, даже совсем свежие. Сколько их тут недавних? Штук двадцать? Когда он успел их перебить?

Он же совсем не похож на того, кто профессионально отнимает жизни других, уж кого-кого, а воина она прочитала бы сразу.

А ведь именно такие самые опасные. Когда смотришь в глаза и не видишь в них злости и ненависти, думаешь: человек как человек. А для него так просто отнять чужую жизнь.

Тяжело вздохнув и собрав остатки сил, Эленсия взяла одного зеленого за ногу и потащила к печи.

Как же это тяжело!

Голова гоблина стукалась о плиты пола, и страшный звук

эхом дробился по комнате.

Дотасив, подняла труп и перевалила его через край.

А ведь одного будет мало.

Поход за вторым, потом за третьим и за четвертым отнял почти все силы. Но тепло, которое исходило от печи, немного ободрило ее.

Что он там говорил про воду?

Она подошла к плошке, зачерпнула, плеснула в лицо. Брызги вместе с грязью разлетелись в разные стороны.

Да, это не то что чистая вода из лесных ручьев. Пить такое она точно не рискнет.

Хотя так хочется, чтобы как в прошлой жизни. Встать на колени у весело бегущего под ногами ручья, опустить в прохладную воду руки, посмотреть, как стайки рыб со страхом разглядывают ее тонкие пальцы, зачерпнуть и сделать первый глоток, который растворится внутри.

И тут в сторону отъехала стена. Та самая, через которую он принес ее раньше. Эленсия вздрогнула и повернулась, уже хотела... нет, не поприветствовать, а хотя бы просто спросить, где он был.

Как вдруг в дверном проеме появилась узкая морда твари, крупная, размером с седло. Жесткая шерсть, стеклянные глаза, длиннющие усы и оскаленные зубы, с которых слюна капала на пол.

Подстегнутая страхом, эльфийка отпрыгнула в сторону, одновременно выхватывая из-за пояса кинжал и отставляя

правую ногу назад для удара.

Сердце бешено колотилось, колени подгибались, Эленсия стояла из последних сил, готовая к атаке, понимая, что это сражение может стать последним.

И тут. Из-за этой страшной твари. Выглядывает он. Этот Дэнес.

— Ты чего? Я ж на тебя не нападаю. Я ж ее просто кинул.

Воздух вылетел из легких, Эленсия запрокинула голову, медленно повернулась в сторону крысы, рассыпая вокруг искры гнева. Тварь, огромная, почти в два раза больше, чем шакки, мертва. Тоже из питомцев гоблинов. Эти зеленые уродцы разводили кого ни попадя, и чем страшнее, тем лучше.

Вся морда зверя была разбита в кровь.

— Если ты их так боишься, так чего ж тогда попросила принести тебе их лапок?

А лапы у этой крысы больше, чем задняя нога у оленя.

— Вообще-то тащить ее на плече было не так уж и легко. Тяжелая, скотина.

У Эленсии от сдерживаемого гнева задергался глаз.

Еще бы.

Ведь любой эльф, да и человек, при виде такой огромной крысы будет думать, как тяжело ее убить. И как выжить самому.

А этот...

Совсем не похожий на матерого бойца. Он говорит толь-

ко о том, как тяжело ее нести. И ведь она понимала бы, если так говорил воин, который прожил на этом свете три или четыре сотни лет. Который умеет убивать и уверен в своем искусстве.

Да, он опасен. Он очень опасен. И ей никогда не стоит об этом забывать.

— Кстати, насчет повара-то ведь я не пошутил.

В ее сторону поехал по полу окровавленный тесак. Размером с ее голову. С чуть оттянутым книзу лезвием. Чем-то похожий на древние клинки в парадном зале эльфийской славы. Страшно представить, какого роста был его хозяин.

— Может, этим тебе легче будет ее порубить? Ножиком-то неудобно. Просто встретил тут довольно здорового гоблина и увидел у него эту игрушку. Решил забрать. Вдруг пригодится.